

Н. С. Дьякова
Вологда

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ АНТРОПОНИМИИ

В последние десятилетия наблюдается расширение сферы культурологического аспекта в исследованиях самых различных направлений как в отечественной, так и в зарубежной науке. С целью извлечения культурологической информации изучается и антропони-

мия различных стран. Задачей данной статьи является определение понятия культурологическая информация и возможностей антропонимии как ее источника.

В именах собственных заключена богатая информация, но извлечь и расшифровать ее можно только с помощью специальных методов. Каждый исследователь при этом выбирает методы и приемы, максимально подходящие для решения поставленной им конкретной задачи. Традиционными для изучения языкового материала являются лингвистические подходы: семантический, этимологический, функциональный, структурный и др. Экстралингвистические подходы в исследованиях языкового материала: социологический, этнографический, психологический, географический, культурологический чаще всего являются сопутствующими, а не основными. Тем не менее, способность антропонимии являться источником экстралингвистической (культурологической) информации отмечается многими исследователями [Кюршунова 1994, Кругликова 1995, Березович 1999, Попова 2002, Ражина 2007 и др.].

Личные имена, отчества, фамилии очень тесно связаны с социальными, экономическими, политическими и другими процессами, происходящими в обществе. Антропонимия еще и потому является богатым источником познания национальной культуры, что «процесс именования в то же время является и процессом закрепления в имени знания о мире в том объеме и в той форме, в которой это знание существует в сознании номинатора в момент имятворчества» [Рут 1994: 3]. Однако одного декларирования факта культурно-исторической ценности имени собственного недостаточно, необходимо вырабатывать методологию извлечения культурологической информации из антропонимикона, пути её описания и интерпретации.

Применительно к исторической антропонимии весьма уместно, на наш взгляд, сочетать культурологический аспект исследований с синхронным и диахронным, позволяющим таким образом свидетельствовать синхронное варьирование и диахронические изменения языковых и культурных процессов и явлений.

Остановимся на сути самих понятий культурологический аспект и культурологическая информация. Культурологический аспект – представляет основную направленность исследования, определяет пути и методы работы, способы обработки языкового материала.

Культурологическая информация – это информация о духовной и материальной жизни человека, зафиксированная в лексических единицах (в нашем случае в антропонимах).

Разные группы антропонимов – по-разному информативны. В данной статье внимание уделяется антропонимии, извлекаемой из памятников официально-деловой письменности. Наиболее ценной в культурологическом плане является информация, получаемая при анализе происхождения и значения антропонима и его мотивирующей базы. Структура, словообразование и словоизменение антропонима также представляют источник для экстралингвистических наблюдений и выводов.

Значительный пласт информации о материальной жизни общества содержат некалендарные антропонимы, мотивированные прямыми, стилистически нейтральными значениями апеллятивов. Это информация, во-первых, об этническом составе населения и переселенцах из других мест жительства. Мы воспользуемся примерами антропонимов, извлеченных нами из памятников официально-деловой письменности XVI–XVIII вв. г. Устюжны Железопольской и ее уезда. Например: *Кушеверко новгородец (СУЖ1567,153)*. Личное имя *Кушеверко* получил, вероятно, выходец из Кушеверской волости (Кушевера) Новгородской земли [ПКНЗ:224]. В устюженском антропонимиконе отмечаются имена тюркского происхождения: *Солтанко (СУЖ1567,165)*, *Мансурка (СУЖ1567,164)*, *Чаадай (СУЖ1626,л.28об.)* и др., которые свидетельствуют о наличии переселенцев среди устюжан, появившихся, вероятно, после завоевания Казанского и Астраханского ханств в 1552–1556 гг., не исключено и более раннее заимствование.

Во-вторых, о развитии промыслов, торговли того или иного региона говорят профессионально-должностные фамилии. Многим известно, что Устюжна Железопольская некогда была одним из центров железоделательной промышленности России. Устюженские фамилии и прозвания свидетельствуют о разнообразии этих профессий, многие из которых навсегда ушли из языка: *железник, кузнец, молотник, укладник* ‘мастер, делающий уклад, сталь, булат’, *гвоздарь, гвоздочник, замочник, подковщик, сковородник, стремянник, котельник* ‘ремесленник, изготавливающий и чинящий котлы и медную посуду; медник’, *подкотельник, серебряник* и др.

Кроме того, анализ антропонимов, позволяет обнаружить и такие культурнозначимые лексемы, которые не фиксируются в исторических словарях. Например: название профессии *шпанник* в Устюженском уезде, ср.: бобыль Васка Ондреев *шпанник* (СУЖ1597, 138), не фиксируемое в известных нам словарях. По нашим данным *шпанник* – это ‘тот, кто печет олады’. Данная профессия отмечена нами и в новгородских памятниках письменности, ср.: 1591 г. Купчая (продажная) Якима Матвеева сына ременника Кондратию Федорову сыну *шпаннику* на половину двора на Славкове улице [ВН 2000]. Профессия была ранее известна в западных землях, сегодня лишь некоторые носители диалекта способны дать объяснение этому слову.

В-третьих, о социальной и имущественной структуре общества, а также об отношении человека к собственному материальному положению свидетельствуют антропонимы, восходящие к соответствующим апеллятивам. Например: Петрушка *Обелмин* (СУ1626, л. 137об.) < патроним восходит к прозвищу *Обелма, в др.-рус. языке прил. *обельмый, обельный* ‘полный, совершенный’, *обельный* (холоп) – *обель* ‘тот, кто состоит в бессрочном холопстве’ [СлРЯ XI–XVII, 12, 31]; лав. Карпушки *Подлова* сына молотника (СУЖ1626, л.45) < **Подлый, подлый* ‘о человеке из черни, черного, крепостного сословия’ [Д III, 184]; пож. Трофимка *Помещикова* (СУЖ1597, 136) < *Помещик, Игнашко Иванов сын *Князева* колачник молотчи (СУЖ1597, 140) < *Князь. Последние два примера, конечно, не говорят о том, что предками названных людей были некие помещики или князья, а указывают на принадлежность их отцов (дедов) данным лицам.

Богатую *информацию о духовной жизни общества* содержат фамильные (именные) основы, имеющие яркую внутреннюю форму. Понятие «внутренняя форма», введенное А.А. Потемной [Потемня 1989], весьма актуально для антропонимической лексики. Нередко именная или фамильная основа мотивируется переносным значением слова (метафорический или метонимический перенос). В подобных случаях имя имеет образную мотивацию. В работах М.Э. Рут, исследовавшей образные номинативные единицы, подчеркивается их способность обладать «живой внутренней формой и на всем протяжении своего функционирования служить своеобразным инструментом ориентации в действительности, сохраняя актуальность об-

разной номинативной модели и приспособляясь к трансформациям картины мира в сознании номинатора» [Рут 1994: 6]. Поэтому, изучая образную лексику, мы обращаемся к мотивам именования человека, актуальным для наших далеких предков. Прозвище *Шевака: Истомка Васильев сын *Шевака* (СУЖ1597, 144) <*шевака, ср.: в северных областях, Сибири *шевяк* ‘кал, помет скота’ [Д IV, 626], вероятно внешний облик человека соответствовал таким особенностям, что позволили номинатору присвоить именуемому столь неблагозвучное прозвище. Не редко имеющиеся в арсенале исследователя исторические словари не фиксируют дополнительных или переносных значений апеллятива. Возможно, что большая часть этих переносных значений возникала стихийно под влиянием каких-то случайных ассоциаций, которые теперь уже невозможно реконструировать. Таким образом, обращаясь к антропонимии как источнику культурологической информации мы реконструируем отдельные элементы языковой картины мира.

Антропонимия оказывается источником изучения древнейших верований и мифологических представлений. Например, исчезновение из устюженского антропонимикона с конца XVI века имен, восходящих к названиям животных и некоторых растений, которые по языческим верованиям выполняли охранную функцию человека: *Лисица, Медведко, Дрозд, Комар, Норко* (СУЖ 1567), по нашему мнению, обусловлено распространением христианских религиозных ценностей.

В антропонимах нашли отражение этические воззрения и нравственные традиции. Устюженские антропонимы фиксируют следующие морально-этические свойства личности, важные для средневекового человека и включенные в процесс номинации: «злость, жестокость» (*Лихошерст, Суровец, Утирь* – СУЖ1567), «жадность» (*Зарь* – СУЖ1567, *Тресуха* – СУЖ1626), «лицемерие» (*Лебза* – СУЖ1567), «озорство, шаловливость» (*Балмас, Остон* – СУЖ1626, *Шибан* – СУЖ1567), «лживость» (*Облуна, Свистун* – СУЖ1626, *Шерня* – СУЖ1567), «леность» (*Блашной, Валяло, Валуга* – СУЖ1567), а также такие пристрастия человека как «пьянство» (*Дудда, Дудол* – СУЖ1626, *Мокрый* – СУЖ1567), «праздность» (*Гуль, Гульба* – СУЖ1626) и др. Изучение антропонимов, позволяет нам не только реконструировать элементы системы ценностей средневекового человека, но и наблюдать за изменениями, происходящими в

этой системе, сравнивая антропонимикон разновременных памятников письменности.

Русская антропонимия отражает также народно-эстетические воззрения. Особенно актуальны в данном отношении антропонимы, мотивированные признаками по внешнему виду человека. С одной стороны имена: *Мазиха*, ср. прил. *мазистый* «красивый» тверск. [СРНГ:17, 297], *Баса* < *баса* «красота» [Д:1,52], *Щеголь*, с другой стороны – *Грязной*, *Шевака*, *Клюк*, *Космач*, *Шершюта*, *Волосатой*. Актуальность данной антонимической пары говорит о том, что для средневекового человека внешний облик был весьма важным, подчеркивались как красота и ухоженность, так и неряшливость или чрезмерное внимание к собственной внешности. Для средневекового человека не было актуально ничто «среднее» – рост или возраст, телосложение или сила голоса: имя присваивалось лишь по выразительным качествам и свойствам: «высокий» – «низкорослый», «тучный, полный» – «худой, тощий», «горбатый», «хромой», «большеглазый», «толстогубый», «кривоногий», «лысый», «плешивый» и прочие, которые, безусловно, несли негативную информацию о человеке, подчеркивая не самые лучшие качества его личности. Такое внимание номинаторов к человеческим недостаткам говорит, с одной стороны, о стремлении выделить именуемого из числа других людей, а с другой, об особом отношении к личности человека, допускающем в его имени негативную информацию.

Антропонимия представляет собой один из важных источников изучения языковой картины мира, потому как антропоним всегда обращен на субъекта и существует не только для того, чтобы назвать его, но и для того, чтобы оценить, охарактеризовать, выразить к нему субъективное отношение.

Таким образом, можно говорить о том, что большинство антропонимов содержит в себе черты национальной культуры и задача исследователя состоит в том, чтобы выявить эту культурную информацию.

Литература

Березович Е.Л. Этнолингвистическая проблематика в работах по ономастике // Известия Уральского государственного университета. – 1999. – №13. – С.128– 41.

Кругликова Л.Е. Лексико-фразеосемантическая группа качественных наименований лица в русском языке XI–XX вв. Автореф. канд. дисс. – Санкт-Петербург, 1995.

Кюршунова И.А. Славянская антропонимия Карелии XV–XVII веков в связи с реконструкцией лексики донационального периода. Автореф. канд. дисс. – Вологда, 1994.

Попова И.Н. Переписная книга Вологды 1711 года как жанр и лингвистический источник. Автореф. канд. дисс. – Вологда, 2002.

Потебня А.А. Слово и миф. – М., 1989.

Раждина В.А. Ономастические реалии: лингвокультурологический и прагматический аспекты. Автореферат диссертации... кандидата филологических наук. – Краснодар, 2007.

Рут М.Э. Образная ономастика в русском языке: ономастиологический аспект. – Автореф. докт. дисс. – Екатеринбург, 1994.

Савельева Л.В. Языковая экология. – Петрозаводск, 1997.

Источники

СУЖ1567 – Сотная из книг И.И. Плещеева и Григория Зубатого Никитина сына Беспятого на посад Устюжны Железопольской 1567 года / Публ. Ю.С. Васильева, Н.П. Воскобойниковой // Социально–правовое положение северного крестьянства (досоветский период). – Вологда, 1981. – С.136–177;

СУЖ1626 – Сотная на посад Устюжны Железопольской 1626г. (далее *СУЖ1626*) // Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 11. Д. 116; Писцовая книга станов и волостей Устюжны Железопольской 1628–1630 гг. / Публ. И. В. Пугача // Устюжна: историко–литературный альманах. – Вып. 1–4. – Вологда, 1993–1999.

ПКНГ – Писцовые книги Новгородской земли. – Т. 1.: Новгородские писцовые книги 1490–х гг. и отписные и оброчные книги пригородных пожен Новгородского дворца 1530–х гг. / Сост. К.В. Баранов. – М., 1999. – 432с. – ISBN 5–86169–083–9 (т.1), ISBN 5–86169–084–7.

ВН – Великий Новгород во второй половине XVI века / Сост. К.В. Баранов. – СПб., 2000.

Словари

СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Вып. 1–36,40. – М.; Л.; СПб., 1965–2006.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI – XVII вв. – Вып. 1–27. – М., 1975–2006.

Д – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т.1–4. – М., 1994.